

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

ИСТОРИЧЕСКІЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ

И

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Ж У Р Н А Л Ъ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero.
JUVENAL IV.

ЧАСТЬ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИЗДАТЕЛЯ.

1820.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ Типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Мая 11 дня 1820 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тимковской.

С Ы Н Ъ О Т Е Ч Е С Т В А.

1820. № XX.

I.

Л И Т Е Р А Т У Р А.

К л о п ш т о к ъ.

(Изъ книги: De l'Allemagne, par M-me la Baronne
Stael Holstein. Tome I.)

Въ Германіи много было славныхъ Писателей, державшихся или Англійской школы или Французской. Между Писателями; образовавшимися по Англійской Словесности, надобно во первыхъ поставитъ удивительнаго Галлера. Поэтическій гений чрезвычайно возвысилъ сего ученаго чловека: онъ вдохнулъ ему болѣе энтузіазма къ Природѣ и болѣе всеобщности при созерцаніи явленій оной. Потомъ слѣдуетъ Геснеръ, котораго уважаютъ во Франціи, и, кажется, болѣе, нежели въ Германіи, да еще Глеймъ, Рамлеръ и проч., а наконецъ Клоппштокъ.

Геній Клоппшока воспламененъ былъ чтеніемъ Мильтона и Юнга; но съ него

шо и начинаешся испинная Германская школа. Онъ чрезвычайно счастливо изобразилъ въ одной своей Одѣ соревнованіе обѣихъ Музъ.

„Я видѣлъ... О, скажише мнѣ, наспоющее ли я обнималъ взоромъ или будущее? Я видѣлъ Музу Германіи: она входила на ристалище съ Англійскою Музою и, пылая желаніемъ побѣды, готовилась къ подвигу.

„Въ дали, на концѣ ристалища, едва можно было различать двѣ цѣли: одну осѣнялъ дубъ, другая окружена была пальмами. *)

„Муза Альбіона, привыкшая къ подобнымъ подвигамъ, съ гордоспїю вступила на попріще; она узнала это поле, копорое уже пробѣгала въ славномъ своемъ соперничествѣ съ сыномъ Меона, съ пѣвцомъ Капишолія.

, Она увидѣла передъ собою соперницу юную, дрожащую; но страхъ ея казался благороднымъ: желаніе побѣды разцвѣшало на лицѣ соперницы, и златые локоны ея развѣвались на плечахъ.

„Едва удерживая вздохи, волновавшіе стѣсненную грудь ея, кажешся, она уже

*) Дубъ — эмблема патріотической Поэзіи, а пальма религіозной, кошорая получила начало свое на Восшоукѣ.

слышитъ призывъ къ сраженію, она съ не-
терпѣніемъ устремляетъ взоры въ пушь
свой, къ своей цѣли.

„Гордась такою соперницею, но болѣе
гордась собою, благородная Альбіонянка
окидываетъ взглядомъ дочь Туискона.
Такъ, я помню. говоришь она, мы вмѣстѣ
родились въ дубовыхъ рощахъ, во времена
дѣйвнихъ Бардовъ.

„Но мнѣ сказали, что тебя не было
болѣе. О Муза, если ты воскресаешь для
бессмертія: проси мнѣ, что я познаю
это въ сію только минушу... Но у нашей
цѣли я лучше все узнаю.

„Она шамъ... примѣчаешь ли ты ее въ
дали? Видишь ли ты и дубъ и пальмы?
Можешь ли ты оплечить вѣнокъ? Ты мол-
чишь... О, это гордое молчаніе, эта поспо-
янная бодрость, это ошъ огненный взглядъ,
вперенный въ землю... я все понимаю.

„Но... подумай еще прежде роковаго
знака, подумай... не боролась ли я уже съ
Термопильскою Музою, не боролась ли съ
Музою семи холмовъ?

„Рѣшишельная минуша наступила, го-
воришь она; предвозвѣстникъ приближаетъ-
ся О дочь Альбіона! прервала Муза Гер-
маніи, я люблю тебя; я, удивляясь тебѣ,
люблю тебя... но бессмертіе, пальмы мнѣ

и тебя драгоценнѣе. Возьми эпопѣю вѣнокъ, если твоей гений хочешь того; но да позволено будешь мнѣ съ тобою раздѣлить его.

„Какъ сердце мое бьется... Безсмертные Боги.. Если бы и прежде тебя удалось мнѣ достигнуть славной цѣли... о, ты вблизи будешь слѣдовать за мной... твое дыханіе будешь колебать распу- тные мои волосы.

„Въ сію минушу раздались призывные звуки: онѣ летящъ съ орлиною быстротою; облако пыли поднимается надъ обширнымъ риспалищемъ; я видѣлъ ихъ уже близъ дуба, но облако стуспилось — и я потерялъ ихъ изъ вида.“

Такимъ образомъ оканчивается Ода: она прекрасна, хотя мы не знаемъ побѣдителей.

Оставляя разборъ сочиненій Клоппшюка въ литературномъ отношеніи до особенной главы о Нѣмецкой Поэзіи, я ограничусь на сей разъ только тѣмъ, чѣмъ упомянухъ о нихъ, какъ о занятіяхъ въ его жизни. Онъ всѣми своими сочиненіями по воскрешалъ патриотизмъ въ своемъ опечесствѣ, по славилъ Религію. Если бы Поэзія имѣла своихъ Святыхъ, Клоппшюкъ

должень бы заняшь между ними первое мѣсто.

Большую часть Одъ его можно почитать Христіанскими псалмами: Клоппшпокъ есть Давидъ Новаго Заветѣ. Особенную часть приносить характеру его, не говоря о геніи, религіозный Гимнъ, изданный въ видѣ эпической Поэмы, кою которой посвящилъ онъ двадцать лѣтъ — это *Мессіада*. Христіанскихъ Поэмъ прежде было двѣ: Даншовъ Адъ и Мильшоновъ Потерянный Рай. Одна наполнена изображеніями и явленіями, какъ наружность Религіи Италіянцевъ. Мильшонъ, жившій во время междоусобныхъ войнъ, особенно отличился живописью характеровъ, и его сатана представляеть исполина-заговорщика, вооружившагося противъ небеснаго единодержавія. Клоппшпокъ постигнувъ Христіанское чувство во всей его чистотѣ: душа его посвящена была божественному Искупителю смертныхъ, Церковные опцы одушевили Данша; Библія Мильшона; лучшія красны Клоппшпоковой Поэмы почерпнуты въ Новомъ Заветѣ; онъ умѣлъ извлечь изъ божественной простоты Евангелія прелестъ Поэзіи, которая такъ легко соединяется съ чистотою его.

Начиная читашъ сію Поэму, кажется, входишь въ великолѣпный храмъ, посреди котораго раздаются звуки органа; умиленіе и благоговѣніе, внушаемая церковію Божіею, объемлють душу при чтеніи Мессіады.

Съ юности своей Клоппшпокъ предположилъ сію Поэму цѣлю земной жизни своей: кажется, люди достойнымъ образомъ заплашили бы за жизнь свою, если бы, въ какомъ нибудь родѣ, благородный предметъ, великая мысль означили слѣды ихъ на землѣ — и усиліе всѣхъ своихъ способностей, всѣхъ занятій къ одному подвигу есть прекрасное доказательство характера. Какъ бы ни судили о красотахъ и недоспѣлостяхъ Мессіады, но часто должны перечитывать изъ нее нѣкоторые стихи: непрерывное чтеніе всей Поэмы можетъ быть обременительнымъ; только обращаясь къ оному каждый разъ, чувствуешь, если можно такъ сказать, благоуханіе души, отъ котораго спланивается ощутишельнѣе прелестъ всего небеснаго.

Послѣ долголѣпныхъ трудовъ Клоппшпокъ окончилъ свою Поэму. Гораций, Овидій и проч. различнымъ образомъ выражали благородную гордость, которая была и

справедлива, судя по безсмертію ихъ твореній: *exegi monumentum aere perennius; и, nomenque erit indelebile nostrum.* Совсѣмъ другое чувство наполнило душу Клоппшюка, когда онъ кончилъ Мессіаду. Онъ слѣдующимъ образомъ выразилъ его въ Одѣ къ Искупишелю, которая находилась при концѣ Поэмы:

„Небесный Посланникъ, я на тебя полагаю свою надежду! я воспѣлъ пѣснь новаго союза. Силою при концѣ необъяннаго поприща: ты укрѣпилъ колебавшіяся стопы мои.

„Кипящее, возвышенное чувство вѣчной моей благодарности, извлеки звуки изъ моей арфы: дерзай; сердце мое исполнено радости, и я проливаю слезы восхищенія.

„Я не ищу никакого возмездія; уже не вкусилъ ли я утѣхъ ангельскихъ, воспѣвъ своего Бога? Восторгъ проникъ до глубины души моей и сокровеннѣйшіе изгибы существа моего поколебались.

„Небо и земля сокрылись отъ моихъ взоровъ: но скоро буря утихла; дыханіе жизни моей уподобилось чистому и легкому воздуху дня весенняго.

„Ахъ сколько я вознагражденъ! Не видѣлъ ли я слезъ, проливаемыхъ Христіанами? И, можешь быть, въ другомъ еще мірѣ

они встрѣпашь меня съ сими небесными слезами!

„Я испыталъ и радость человѣческую; сердце мое, щещно бы по хошѣлъ я сокрыть опъ тебѣ, сердце мое одушевлено было желаніемъ славы: въ юности моей оно прещало для нее; шеперь оно еще прещень, но слабѣе.

„Не возглашалъ ли вѣрнымъ Апостольшвой: добродѣтельное и похвальное должно быть предметомъ вашихъ помысловъ!... Сей небесный пламень, избранный мной вождемъ, освѣщаль пушь стопамъ моимъ и шеперь открываетъ гордому оку моему пушь новый, священнѣйшій.

„Сей пламень предохранилъ меня опъ обаянія земныхъ наслажденій: едва начинало приближаться ко мнѣ заблужденіе; одно воспоминаніе священныхъ минушь, въ котороря душа моя погружалась въ божественныя размышленія, сладкіе звуки Ангеловъ, ихъ арфы, ихъ пѣніе обращало меня къ самому себѣ.

„Я стою у своей цѣли; такъ, я достигъ ее, и шещу опъ восшорга счастья: такимъ-по образомъ (говоря человѣчески о небесномъ) такимъ-по образомъ мы будемъ шещашь нѣкогда предъ шѣмъ, кшо умеръ и воскресъ для насъ.

„Всемогущая рука Господа и Бога моего провела меня къ сему концу по гробницамъ; Богъ дароваль мнѣ силу и мужество противостоянъ приближавшейся смерти, и невѣдомыя, но ужасныя злоключенія разсѣялись предъ лицомъ пѣвца, охраняемаго щипомъ небеснымъ.

„Я скончалъ пѣснь новаго союза: спою при концѣ необъяснимаго поприща. Небесный посланникъ, я на тебя возлагалъ свою надежду.“

Смѣсь поэтического восторга и набожнаго упованія внушаетъ вмѣстѣ удивленіе и умиленіе. Дарованія посвящаемы были нѣкогда баснословнымъ божествамъ. Клопшюкъ ихъ посвящилъ самому Богу. Онъ, счастливымъ соединеніемъ Христіанской Вѣры съ Поэзіею, показалъ Германцамъ, что они могутъ имѣть прекрасныя Искусства, имъ принадлежащія, безъ рабскаго подражанія Древнимъ.

Знавшіе лично Клопшюка почитаютъ его столько же, сколько и удивляются ему. Религія, свобода и любовь безпрестанно занимали всѣ его мысли; онъ исполненіемъ всѣхъ своихъ должностей училъ Религіи; когда пролиліемъ невинной крови осквернили чистоту свободы, онъ ошрекся отъ нее, и посвящилъ вѣрность свою привязан-

носпямъ сердца. Никогда не опирался онъ на воображеніе для оправданія какого нибудь заблужденія: оно возвышало душу его, не ослѣпляя оной.

Сказываютъ, что его обращеніе было исполнено оспрошты и даже вкуса; что онъ любилъ разговаривать съ женщинами, и особенно съ Француженками, и что онъ былъ хорошимъ судьей въ нарядахъ, которые педанты пренебрегаютъ. Я совершенно этому вѣрю; потому что геній всегда имѣетъ въ себѣ нѣчто всеобщее, и можетъ быть, по тайнымъ отношеніямъ, склонитъ обыкновенныхъ людей къ прелесть, по крайней мѣрѣ получаемой отъ Природы.

Сколь чуждъ былъ такой человѣкъ зависти, себялюбія, бѣшеннаго тщеславія, въ чемъ многіе Писатели извинялись своими дарованіями! Если бы у нихъ были дарованія въ надлежащей мѣрѣ, то ни одинъ бы изъ сихъ недоспашковъ не былъ имъ свойственнымъ. Гордясь, раздражаясь, превозносясь, потому что небольшая частица ума смѣшана съ посредственностію характера. Истинный геній раждаетъ признательность и скромность: потому что чувствуютъ, кому имъ обязаны, чувствуютъ и всю ограниченность дара.

Во второй части Мессіады есть прекрасное мѣсто, гдѣ говорится о смерти Маріи, сестры Марѳы и Лазаря. Марія въ Евангеліи служить образцемъ истинной добродѣтели. Лазарь, воскрешенный Іисусомъ, при своемъ прощаніи съ сестрою, обнаруживаетъ особенно ея чувства скорби и совершенной надежды. Клопшпокъ изъ послѣднихъ минушъ Маріи сдѣлалъ картину смерти праведника. Въ свою очередь, бывъ на смернномъ одрѣ, онъ умирающимъ голосомъ повсюрялъ свои стихи, вложенные имъ въ уста Маріи; онъ помнилъ и тихо читалъ ихъ, окружаемый мракомъ гробницы, увѣщевая себя, какъ умереть надобно: такимъ образомъ чувствованія, выраженные молодымъ человѣкомъ, сполъ были чисты, что могли услышать спарца!

Сколь прекрасно дарованіе, когда оно ничѣмъ не осквернено, когда употреблено только для того, чтобы пробуждать въ людяхъ привлекательною наружностію прекрасныхъ Искусствъ благородныя чувства и упованія Въры, помраченные во глубинѣ сердца!

Пѣснь о смерти Маріи читана была при горесномъ обрядѣ погребенія Клопшпока. Онъ умеръ въ старости; но добродѣтель награждаетъ пальмой безсмертія,

которая цвѣтѣтъ на гробницахъ и обнов-
ляѣтъ бывшіе почившихъ. Всѣ жители Гам-
бурга воздали Папріарху Словесности па-
кія почести, какими обыкновенно сопрово-
ждаютъ во гробъ людей, облеченныхъ зна-
менію или власною, и пѣнь Клошшока
получила награду, которую онъ заслужилъ
прекрасною жизнію.

П. П.

П.

А Н Т И К Р И Т И К А.

Послѣднее письмо о Биллингсовой экспеди-
ціи. Къ Издателю С. О. *)

Я почелъ обязанностію отвѣчать на
письмо Г. А. Сарычева, (С. О. кн. 9) дабы
во первыхъ принести Его Превосходитель-
ству благодарности мою за замѣтанія, мо-
гуція мнѣ послужить пособіемъ; а потомъ

*) Получено при слѣдующей запискѣ: „Простя
васъ о помѣщеніи сего послѣдняго письма моего
въ Журналъ вашемъ, беру смѣлостію просить
васъ и еще объ одномъ одолженіи. — Г. С. уко-
ряетъ меня за то, что имя Лейпенаша Бе-
ринга пропущено: вамъ извѣстно, что это пи-
пографическая ошибка; оправдайте меня. В. В.“

изложить мысли мои о предметахъ, въ коихъ я совершенно противнаго съ Его Превосходительствомъ мнѣнія.

Считая необходимо нужнымъ заимствоваться при сочиненіи моемъ иностранными Писателями, берегусь я весьма ссылаюсь на сомнительныя ихъ свѣдѣнія. Его Превосходительство, осерегая меня ошъ вѣры къ онымъ, изволилъ вопрошашъ: съ какихъ картъ Синда и Креницына, составилъ Коксъ карту свою? Ошъшомъ на сіе могушъ служишъ слѣдующія слова знаменнаго Шотландскаго Исторіографа Доктора Робертсона: „Ея Императорское Величество (Екатерина II) повелѣла немедленно перевести журналъ путешествія К. Креницына, снявъ копію съ его оригинальной карты, и отдать мнѣ оное.*)“ Коксъ упоминаетъ въ введеніи своемъ: „знаменитый Историкъ нашъ Робертсонъ позволилъ мнѣ заимствоваться журналомъ и картою Капитановъ Креницына и Левашева, доставленными ему по повелѣнію Императрицы всея Россіи. **)“ Великій Естествоиспытатель

*) History of America by W. Robertson, Preface p. XIV.

**) Account of the Russian discoveries by William Coxe. Preface p. IX. Книга Г. Кокса вышла въ свѣтъ 8 годами ранѣе Робертсоновой Исторіи о Америкѣ.

пелъ Палласъ говорить: „карта сопровождающая журналъ, помѣщенный у Кокса, сочинена подъ надзоромъ обоихъ начальниковъ (Креницына и Левашева) Шшурманомъ Jacob Jachof, *) должно быть Ляховымъ.“

Теперь, кажется, Его Превосходительства можете повѣрить, что карта Коксова не поддѣльная, но наспоящая; что карты сей нѣтъ въ Адмиралтейской Чертежной, то отнюдь не удивительно: можете быть, частные люди имѣютъ и еще гораздо любопытнѣйшаго матеріала, коихъ и во все намъ не бывало. —

Защищая подвиги почтенныхъ Аргонавтовъ нашихъ, коихъ Его Превосходительства изволишь именовать безграмотными бобровыми промышленниками, долженъ я, въ оправданіе Глошова, на суднѣ у Кап. Лейп. Левашева находившагося, помѣстивъ слѣдующее изъ инструкцій, Кап. Биллингеу данной: „Принявъ крайнюю предосторожность противъ цынготной болѣзни, дабы не понести оныя небреженія подобно какъ Капитанъ Креницынъ, зимую въ сихъ мѣстахъ, повесь, у копорого до 60 человекъ умерло оныя болѣзни, и шѣмъ оныя при-

*) Neue Nordische Beyträge, Erster Band s. 264.

веденъ былъ до того, что ежели бы Капитанъ - Лейпенайтъ Левашевъ не пришелъ къ нему съ своими людьми, то бы не съ кѣмъ было и судномъ управлять. *) "Прочитавъ сіе, всякъ согласился, что команда Левашева судна спасла Креницына, который, по незнанію какъ сохранить служителей своихъ отъ цыганской болѣзни, лишился бо человекъ, а Левашевъ имѣлъ только 27 человекъ, спсавшихъ оною.

Я опнюдь не намѣренъ былъ безславить Капитана Биллингса. Намѣреніе мое состояло единственно въ томъ, чтобы доказать, что онъ не имѣлъ права на имя мореплавателя, и не былъ способенъ управлять столь важною экспедиціею. Все, что оною во время ея 8 лѣтняго существованія сдѣлано полезнаго, отношится единственно къ лицу Г. А. Сарычева, а не Биллингса. Хотя я и имѣлъ право ссылаться на извѣстія чиновника, Биллингса сопровождавшаго; но, уважая свидѣтельство Его Превосходительства, которому все, до сей экспедиціи относящееся, могло быть лучше извѣстно, воспользуюсь онымъ.

*) Путешествіе Биллингса, изданное Г. А. Сарычевымъ.

Теперь приступаю я къ тому пункту, который родиль замѣчанія Г. А. Сарычева на сочиненія мои и побудиль насъ вести полемическую переписку. Его Превосходительство, принявъ за основаніе захожденіе солнца при рѣкѣ Оленекъ, и одно наблюденіе Биллингса при Барановомъ камнѣ, понизиль берега Ледовитаго моря на два градуса. Замѣчаніе *что виною раннихъ сокрытій и преждевременнаго появленія солнца, есть большое и неединообразное сжатіе сѣвернаго полюса*, находишь Его Превосходительство невозможнымъ по всѣмъ физическимъ общоятельствамъ; посему и считаю нужнымъ распространиться о послѣднемъ предметѣ семъ.

Кукъ говоришь именно, что по полученнымъ въ Уналанкѣ свѣдѣніямъ, считаешь онъ, что берегъ Ледовитаго моря повышенъ на два градуса; а поелику намъ извѣстно, что онъ познакомился тамъ съ Шшурманомъ Измайловымъ, то и надобно заключишь, что онъ него и получилъ онъ свѣдѣніе сіе, то есть, что замѣчаніе Кука и Г. А. Сарычева происшѣкли онъ одного источника: — изъ поздняго закрытія солнца при рѣкѣ Оленекъ.

Его Превосходительство заключаешь: что *Баренцъ неврѣно опредѣлилъ и широту*

мѣста. Посмотримъ, что говоритъ Изда-
тель сего путешествія. — „24 Января
былъ очень ясный день. Гемскеркъ и Фанъ-
Виръ рѣшились прогуляться къ южному
берегу Новой Земли, какъ вдругъ вперой
примѣнили совсѣмъ неожиданно часъ окру-
глости солнца (einen Theil der Sonnen-
scheibe). Въ спорѣ побѣждали они назадъ,
и увѣдомили о семъ Капитана своего. Ба-
ренцъ, какъ искусный и опытный море-
плаватель, не хотѣлъ сему вѣрить; ибо по
вычисленіямъ его должно было солнце по-
явиться не прежде, какъ чрезъ 14 дней.
Разсужденіе и споръ о предметѣ семъ про-
извели закладъ между помянутыми лицами.
25 и 26 былъ такой густой туманъ, что
нельзя было другъ друга видѣть, и держав-
шіе закладъ, что солнце еще не показыва-
лось, думали, что оный уже выиграли; но
27 сдѣлалось весьма ясно, и полное солнце
открылось поверхъ горизонта; изъ сего и
можно было заключить, что и 24 была
часъ онаго видима. *)“

Поелику открытіе сіе противорѣчитъ
всѣмъ новымъ и старымъ Писателямъ, и
подастъ противныя идеи о круглости неба
и земнаго шара, то и считалъ Баренцъ,

*) Adelungs Geschichte der Schiffarten S. 238.

(говорить Аделунгъ) что найдутся люди, которые заключаютъ, что они сбились въ супочномъ счисленіи. Посему и рѣшились они записать все обстоятельство въ журналъ, и означили, что солнце показалось имъ въ первый разъ въ знакъ Водолея подъ $5^{\circ} 25'$, когда оно, по ихъ мнѣнію, должно было находиться подъ $16^{\circ} 27'$, дабы быть видимымъ въ широтѣ 76° . Имѣя Эфемериды Иосифа Скали по 1600 годъ въ Венеціи печатанныя, повѣрили они еще разъ счисленіе свое, и нашли, что широта мѣста $76^{\circ} N$, а долгота $112^{\circ} 25'$."

Ученый Бирроу говоритъ о семъ необыкновенномъ явленіи слѣдующее: „въ большихъ широтахъ сдѣлано было столь мало наблюдений о атмосферической рефракціи, что обстоятельство, изложенное съ такимъ правдоподобнымъ числосердечіемъ въ журналъ ихъ (Голландцевъ) не должно быть опринуто или почтено несправедливымъ, единственно по тому, что оно необыкновенно. *)“

П. Я. Гамалея, мужъ глубокаго ума и обширныхъ познаній, коснулся въ сочиненіи своемъ **) до сего обстоятельству.

*) A chronological History of Voyages into the Arctic Regions by John Barrow. London 1818. p. 155.

**) Теорія и Практика Кораблевожденія, томъ 2 стр. 45.

Онъ говоритъ: „многія причины продолжительности ночей въ около-полярныхъ странахъ уменьшающъ, 1. величина солнечнаго діаметра, 2. дѣйствіе рефракціи, которая въ холодныхъ странахъ по причинѣ густоты воздуха гораздо больше, чѣмъ въ умеренныхъ климатахъ, 3. зори, которыя также въ великихъ широтахъ продолжительнѣе бывающъ.“

Совокупленіе замѣчаній сихъ ведетъ къ заключенію, что Баренцъ въ счисленіи своемъ не ошибся, и что понижающъ по одному только захожденію солнца широту мѣста слишкомъ на двѣсти верстъ не слѣдовало. Желательно, чтобы почтенный Президентъ Императорской Академіи Наукъ, опирающійся обширными познаніями и примѣрнымъ трудолюбіемъ, обратилъ на предметъ сей вниманіе свое. Три наблюдавшаго могущъ въ теченіе одной зимы рѣшить сію задачу, и поддержать славу прежнихъ Членовъ Академіи, астрономическими observaціями занимавшихся.

Имѣю честь и пр.

Василій Берхъ.

30 Марта 1820.

Пермь.

III.

К Р И Т И К А.

П и с ь м о к ъ И з д а т е л ю.

Non me cuiquam mancipavi; nullius nomen fero.

Я на сихъ дняхъ прочелъ послѣднее произведеніе Г. Ж. *) и надѣюсь что вы помѣспните въ вашемъ Журналѣ замѣчанія мои на оное. Въспъ содержаніе *Узника*: одинъ молодой человѣкъ, сидя въ пемницѣ, слышишь, что за спѣною какой-то заунывный голосъ поетъ чепыре очень хорошіе куплена. Юноша прельщается ими и топчасъ *лепитъ сердцемъ къ лѣвицѣ* и *знакомится съ нею душою*; однимъ словомъ сказашъ, влюбляется въ нее.

И мысль о ней и день и ночь

Опъ сердца не ошходитъ прочъ.

Онъ не ѣспъ, не пьепъ, не спипъ, а мечшаетъ и подслушиваетъ ея дыханіе.

Таясь, спраданія однѣ

Дѣлитъ съ ней:

Въ одной пемничной глубинѣ

Молитъ съ ней

Согласной душой и душой

Опъ неба учаспи одной...

*) Въ Невскомъ Зришелъ.

Чрезвычайно хорошо! только жаль, что
эпопея куплень не докончанъ. Одинъ разъ
сидѣлъ онъ и мечпалъ; вдругъ

....Слышишь онъ заповоровъ громъ,

Рыданье,

Звукъ цѣпи, голоса.... попомъ

Молчанье.

И слѣдственно угрюмый удѣлъ его рѣ-
шенъ. Но, что всего прогашельнѣе, онъ :

На вѣкъ *грядущаго* лишенъ.

Это жестоко!

Однажды только занялась

Денница

Его со страхомъ опперлась

Темница. *)

Свобода приходитъ къ нему, но онъ
хладно принимаетъ ея привѣщанье, не хо-
чешь итти изъ темницы, и говоритъ:

Прекраснаго ужъ въ міръ нѣтъ.

Т. е. прекрасной, кошорой, впрочемъ
онъ не видалъ. Попомъ восклицаетъ :

Ахъ! слово милое о ней

Кто скажетъ ?

Кто слѣдъ ея забышихъ дней

Укажетъ?

*) Это довольно хорошо у Данта:

..... E l'ora s'appressava
Che 'l cibo ne soleva essere adotto

.....
Ed io senti chiavar l'uscio di sotto
All' orribile torre.

Inferno, C. XXXIII.

Я увѣренъ, что никто, потому что
нѣтъ ничего труднѣе, какъ указать слѣдъ
тѣхъ нѣбудь забытыхъ дней.

Возвратившись къ роднымъ, онъ нѣмою
грустью встрѣчаетъ сердечные ихъ взгляды *);
днемъ не говоришь ни слова и споишь
склоня голову;

Но тихо въ сумракъ ночей

Онъ бродишь,

И съ неба темнаго очей

Не сводишь,

Если кто меня спросишь: зачѣмъ онъ
смотритъ на темное небо? то я отвѣчаю
что у него:

Звѣзда знакомая тамъ есть

Она ему приноситъ вѣсть

О миломъ (т. е. о милой) вѣсть и въ міръ
иной

Призванье.

Этого мало. Она даже дѣлаетъ съ нимъ,
или онъ съ ней, страданье. Звѣзда, копорая
видна на темномъ небѣ и копорая прини-
маетъ такое участие въ юности, должна

*) Вотъ что можешь дѣлать Геній изъ наше-
го языка! Я увѣренъ, что нѣмою грустью встрѣ-
чать сердечные взгляды не было сказано ни на
одномъ языкѣ. Я не говорю о Китайскомъ по-
тому, что не знаю его; но онъ, какъ говорящъ,
изобилуетъ такими смѣлыми (чтобъ не сказать
дерзкими) выраженіями.

быть звезда необыкновенная; и многіе думаютъ, что она даже самая, которая нѣкогда и для немногихъ была видна въ праздничной одеждѣ и въ красѣ сіяющихъ кудрей на голубомъ небѣ. Наконецъ онъ таетъ, гаснетъ и погасаетъ.

И мнилось (кому?)

Что вдругъ предъ нимъ въ послѣдній часъ
Явилось

Все то, чего душа ждала,
И жизнь въ улыбкѣ опошла.

Конецъ былъ бы довольно новъ, если бы *Наташа* была иначе кончена. *)

Впрочемъ вся вещь мнѣ чрезвычайно понравилась, кромѣ нѣкоторыхъ бездѣлицъ какъ напр. ея зову, не дозовусь; зажжено свѣтомъ; вольныя облака; жить весеннимъ бытіемъ; земной праздникъ (*banquet de la vie*); дѣлъ голосъ (до сихъ поръ голосомъ пѣли) тѣмъ тюремная; молодая жизнь. Я ничего не говорю о выраженіи: *небесно-тайное*, потому, что это для меня совершенно непонятное. Также стихи: жила я, была я, дѣлилась съ ней, молилась съ ней, видалъ я, дышалъ я, неслишкомъ прищипы для слуха. Но этихъ мѣлочей нельзя примѣшавать во шпѣвъ красонъ, которыми наполненъ *Узникъ*

*) Какая *Наташа*? Изд.

*Корисея Рускихъ Поэтовъ нашего поколѣнія,
Генія, котораго творенія должны быть пред-
метомъ народной гордости и сладострасті-
емъ душъ высокихъ и чувствительныхъ.*

Вашъ покорный слуга

N. N.

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Н А У К И.

Въ покоѣ сладки и въ шрудѣ.

Ломоносовъ. Ода VIII.

Быть жертвою мечшы, игралищемъ спра-
стей,
Приходишь человѣкъ въ міръ темный, скорбный
сей.
Но спать превыше ихъ, низвергнувъ завись,
злобу,
Найди еще спезю спокойную ко гробу,
Есть способъ!.. Онъ одинъ, сей способъ не спра-
дашь:
— Испочникъ счастія въ самомъ себѣ искашь.

Науки, даръ свяшой опъ Вышняго вселенной!
Эгида твердыхъ душъ, и признанъ оскорбленной!
Лишь вами познаешь, и въ сей юдоли слезъ,
Достоинство свое сынъ праха и небесъ.

Фортуна! скрой дары, напишаны отравой:
Гдѣ вѣчноюный лавръ? Кто былъ ушѣшенъ сла-
вой?

И гдѣ предѣ силою не исчезаешь власть?
Все время унесешь, и все спремимся пасшь.
Сашурнь проснешь крылѣ: махнулъ — и мракъ
забвенья

Внезапно спелелся надѣ гробомъ поколѣнья.
Науки! вы однѣ какъ швердая скала
Къ кошорой буря чолнъ разбишый принесла,
Всегда незыблемы, всегда вы неизмѣнны,
Ни злобою людей, ни рокомъ не сраженны.
Свѣспильники души, васъ убѣгаешь пѣма;
Вы слава мудросши, сокровище ума.
Какъ солица яркій лучъ, блеснувъ надѣ океаномъ,
Яснишь лазурь небесъ, одѣянныхъ шуманомъ,
Вы, суешныхъ заботъ разсѣявъ мракъ гусшой,
Къ блаженству вѣрному ведете за собой.

Безъ сихъ божественныхъ, свяшыхъ послан-
ницъ рая,
Что смершнй на землѣ? Въ невѣжесшѣ блу-
жда,
Неисповъ счасшливый, несчастшливый онъ слабъ;
Случайно добръ и золь, спрасшей надменный
рабъ;
Понуждѣ бодрствуетъ, влекомый побужденьемъ;
И добродѣтели нерѣдко пресшупленьемъ
Безумно жершвуетъ, въ душѣ пипая спрахъ;
Предѣ всѣми унижень, и въ собшшвенныхъ гла-
захъ.

Окинувъ взорами небесное убраншво,

Онъ съ равнодушіемъ шамъ зрѣть одно про-
спранство;

И не найдуть во всемъ порядкѣ естества
Ни умъ его чудесь, ни сердце божества.

Кто слышалъ лиры звукъ, и имъ не восхищался?
Кто плакалъ надъ судьбой несчастныхъ отка-
зался?

Кто не спремился бытъ полезнымъ для людей?
Внимайте, смертные: — невѣжда и злодѣй.

О Древность! ты въ вѣкахъ намъ истину вѣчала,
Когда въ невѣжествѣ злодѣйство открывала.

Увы! онъ врагъ себѣ; по терніямъ идешь,
И въ сердце хладное ничтожество зовешь:

Оно ужъ царствуетъ въ душѣ его унылой;
Миръ кажешь ему проспанною могилой.

Порхнулъ въ поляхъ зефиръ — съ небесъ лешишь
весна!

Творенье, пробудясь, воспрянувъ ото сна,
Къ надеждѣ и любви, къ блаженству оживаетъ...
Въ немъ на же мерзвая холодность пребы-
ваетъ.

Не званъ на общій пиръ, онъ сходенъ съ пни-
цей шой,

Которая во шмѣ и пининѣ ночной
Унылой пѣснью окрестность ужасала;
Когда же свѣтлая денница возсіяла,
Пѣвцы лѣсовъ ей гимнъ во срѣшенъе поють,
И радости бытія холмамъ передають,
Она, пустынная, во мракъ себя скрываетъ,
И солнца не видавъ, Природу проклинаетъ.
О нравственный слѣпецъ! ты жалость мнѣ вну-
шилъ:

Я съ горестью въ душѣ себя изобразилъ.

Но кѣмъ воздвигнутый, какимъ очарованьемъ
Сей рабъ подъялъ чело предъ цѣлымъ мірозданъ-
емъ?

Проспранный новый міръ блеснулъ его очамъ:
Предъ нимъ опверзшъ Наукъ величественный
храмъ.

Онъ съ новымъ бышіемъ блаженство ощущаешь;
Склонялъ ко праху взоръ, а нынѣ созерцаешь.
И не преспанешь онъ доколѣ живъ, вкушая
Всѣ прелести шруда, всю сладость — видѣшь,
знаѣшь.

„Тамъ мудрый — скажешь онъ — се двухъ вѣ-
ковъ свидѣтель,

Се древне капище, гдѣ скрылась добродѣтель.“

И въ хижину идетъ шрепещущей снопой,
Откуда, въ мрачну ночь облекшюся мглой,
Когда почилъ шваръ въ безмолвье погруженна,
Лампадой мудраго освѣщена вселенна.

Съ ученымъ онъ позналъ законы естества,
Начала, дѣйствія, премѣны вещества.

Тамъ пушешественникъ, проспранства обще-
кая,

Обычай, Вѣру, нравъ разскажешь дальня края.

А шамъ изъ шьмы вѣковъ минувшее воззавъ,

И насшоящее за крылья удержавъ,

Испорикъ для него о будущемъ вѣщаешь;

Въ немъ сердце скорбное съ судьбою прими-
раешь;

Ведешь его на прахъ народовъ и вождей,

Кровавые слѣды опъискивать спрасшей...

Но сладкая слеза на харшю сканилась:

— Душа сквозь рядъ вѣковъ великимъ поклонилась!

Философъ шамъ его пощипишь научать,
Бышь спрогимъ лишь къ себѣ, но ближнему
прощань.

Познаешь, кшо онъ самъ, чѣмъ долженъ быть,
чшо можешь:

И ранъ не расправивъ, болящему поможешь.
Искусства! не забылъ и вашъ онъ свѣшлый храмъ;
Онъ вашимъ языкомъ вѣщаешь къ небесамъ.

Ошныиъ для него красуется Природа!

Вишииъ ль внемлешь онъ?— и, другъ Боговъ, народа,
Съ нимъ вмѣстѣ онъ поправъ Филипповъ, Капи-

линь,
За Гавія гласишь: „онъ *Рима гражданинъ!*“ **)

Иль чувство ощутивъ въ душѣ своей святое,
Осыплешь пепломъ все величїе земное;

Всю славу брENNую онъ взоромъ обоймешь,

И Бога одного великимъ назовешь. *)

Но лира сошряслась — и въ пѣсняхъ загремѣла!

Внимаешь... и душа къ Олимпу возлѣтѣла!

Во взорахъ молнїя.. и закипѣла кровь!

Пѣвецъ воспѣлъ Боговъ, онечесство, любовь;

То пѣжный какъ она, воркуешь съ голубками;

То ризы Божества касаешься ушнами;

То съ Вѣшнимъ деньми онъ при громѣ говоритъ;

Спустился ль на цвѣшны, иль къ солнцу воспаришь:

*) См. рѣчь Цицеронову противъ Верреса.

**) Массильоново слово при погребенїи Лудовика XIV.

Повеюду чародѣй — разрушилъ — созидаетъ!
И добродѣтелью цѣвницу позлащаетъ.

Исполненъ сихъ огней, божественныхъ, свя-
тыхъ,

Судьбѣ не удѣлишь онъ радостей своихъ.

Превыше страха онъ, превыше и надежды.

Богатшій и почестей, сихъ идоловъ невѣжды,

Безсмертнымъ жершвуя, въ мольбахъ не призо-
вешь,

И къ временнымъ богамъ во храмы не поидетъ.

Онъ счастье вкусилъ, прошивусналъ несчастьемъ.

Какой, какой, судьба грозитъ ему напастью?

Чего лишится онъ? величія? оплики?

— Возвышенъ мудросью, онъ и безъ нихъ ве-
ликъ.

Пусть зависъ зашипишь, какъ мрачна Эвмени-
да:

Онъ твердъ въ объявіяхъ Сократа, Аристиды.

Въ пусыняхъ встрѣщаясь съ нимъ мудрый
Ксенофонъ,

И утѣшаемый Наукой Сципіонъ.

Съ нимъ память добрыхъ дѣлъ, невинныхъ упра-
жненій,

Полезныхъ сердцу думъ и сладкихъ вдохновеній.

О чистыхъ радостей виновница! шъ съ нимъ;

Съ шобой и за тебя порокомъ онъ гонимъ;

Пускай свирѣпшуваетъ сей адскихъ золь содѣ-
тель:

Ты въ ссылкѣ и въ цѣпяхъ все та же добродѣ-
тель!

Въ глуши, среди лѣсовъ, и дебрей и степей,

Ты замѣнишь ему семейство и друзей.

И вы, цѣлебницы душевныхъ язвъ и скуки!
 Когда всего лишень — вы съ нимъ еще, Науки!
 Оспавленъ кровными, онъ вашъ крѣпиль союзъ:
 Не сирь, не бѣденъ шопъ, съ кѣмъ Фебъ и де-
 вять Музъ!

Ты съ нимъ, о сладкій прудъ! о тайная награда!
 Не въ славѣ — нѣшъ, въ шебѣ, въ шебѣ его ош-
 рада.

Пусть Свѣплъ не дасъ о немъ сужденья своего:
 Съ нимъ Музы говоряшъ, и слушающъ его. *)

Дни, годы пробѣгутъ, какъ вѣтры легко-
 крилы,

И осребряшъ чело. Но въ духѣ тѣ же силы:

„Старѣю, скажешъ онъ, старѣю и цвѣстъ; **)

Свободенъ опъ спрашней, сѣдинъ не успрашусь.“
 Ушрашами его ничто не возмущаешъ:

Душа безсмертная все тѣхъ-же благъ желаешъ.

Сынъ размышленія и добрыхъ дѣлъ, покой

Спустился надъ его масшиною главою;

И старецъ, мудроси дарами надѣленный,

Взираешъ на предѣлъ Всевышнимъ положенный,

Какъ спранникъ на брега, гдѣ можешъ ошдох-
 нушъ,

Свершивъ средь бурныхъ волнъ благословенный
 пушъ.

Науки! съ вами онъ, и мѣръ сей покидая.

Онъ ищешъ взорами, гдѣ вапа сѣнь святая;

Онъ дорожишъ еще минушами для васъ.

*) Слова Виланда Карамзину.

**) Слова Солона.

Когда жь безсмертія насталь блаженный часъ,
 Какъ радость просіяль, водимый наблюденьемъ,
 Послѣдній взоръ его послѣднимъ наслажденьемъ.

Николай Ивановичъ - Писаревъ.

2.

Б ѣ д н ы й Н е г р ь .

Съ родимымъ бременемъ разлученный,
 Негръ бѣдный слезы проливалъ,
 И вздохъ, бѣдами извлеченный,
 Унылу пѣснь сопровождалъ:
 „Чѣмъ виненъ я, о Провидѣнье?
 Почто цѣпями окаянъ?
 Иль черный цвѣтъ мой — пресупленье? —
 Иль не побой я сошворень?

И я, какъ бѣлый, жизнь и радость
 Отъ Бога счастливыхъ пріялъ!
 И я любилъ! — И жизни сладость
 Въ единомъ взорѣ обрѣшалъ! —
 Я былъ опцемъ.. Младенецъ милый!
 И я не зрѣлъ швоихъ очей!
 Живи для манеры унылой,
 Напоминай о другѣ ей!

Кто безъ меня изъ вѣтви гибкой
 Тебѣ для сна сплестеть покровъ?
 Кто будешь съ нѣжною улыбкой
 Тебѣ гошовишь сокъ плодовъ?
 Кто дастъ примѣръ — какъ смѣлой дланью
 Сражаешься съ змѣями въ лѣсахъ,

Лешаю на хищныхъ пигровъ съ бранью,
Иль плаваю въ пѣнисныхъ волнахъ?

Я не узрю душистой рощи,
Гдѣ жизнь и радости вкусилъ;
Тамъ бурный часъ кенаспной ночи
Меня съ Нельзирой съединилъ;
Тамъ мой пріюти уединенный,
Наслѣдство мирное опцевъ,
И холмъ, гдѣ рождшихъ прахъ священный
Покрытъ спокойствіемъ гробовъ.

Однажды въ рошѣ ароматной
Я спалъ, прохладой окруженъ;
Недолго льстилъ мнѣ сонъ пріятной—
Приходомъ бѣлыхъ прерванъ онъ...
Я защищался.... бичъ желѣзный
Блеснулъ надъ бѣдной головой;
Глядя на море, шюки слезны
Я лилъ.... и бури звалъ съ собой!

Просшите вы, родныя степи!
Проси о кругъ друзей родной!
Звучаю неволи тяжкой цѣпи
И заглушаю голосъ мой.
Проси, знакомая Природа!
Померкла ты въ моихъ очахъ....
Ахъ, какъ мила шому свобода,
Кшо долженъ жизнь влачить въ цѣпяхъ !...

Терпите, Негры! испытанье
На крашкѣй срокъ положено;
Терпите! — будетъ воздаянье:
Въ грядущемъ кроется оно! —

Тираны, бойшесь! ищѣ спасенья! —
 Къ Творцу восходишь сирыхъ гласъ;
 Висятъ надъ вами лучи мщенья
 И настаешь свободы часъ!...,,

Онъ пѣлъ... Въсприлами несомый,
 Корабль надъ бездною париль;
 Тамъ вспрѣшилъ друга взглядъ знакомый
 И, обнимая спросилъ:
 „Скажи мнѣ, братъ, о милой вѣспи:
 Не ждешь ли друга?“ — Въ небесахъ!
 „Сынъ?“ — Съ ней. — „Прости мы будемъ
 вмѣстѣ!“ —

И радость вспыхнула въ очахъ.

Два дня безъ пищи, изнуренный,
 Подъ зноемъ пламенныхъ небесъ
 Томился бѣдный; раздраженный
 Хозяинъ грозный бичъ занесъ:
 „Вспавай къ работѣ!“ — Небо знойно!...
 „Вспавай! — мученья ждушь тебя!“ —
 — Въ послѣдній разъ усну спокойно;
 Злодѣй, спрашисъ: свободенъ я!... —

Москва.

Перво.

3.

Э П И Г Р А М М Ы.

1.

Напрасно, Клинь, такъ много ты чистишь;
 Рискаю отъ него разсудокъ потерять;
 Ты спало правила не знаешь:
 Что и бездѣлками — не должно рискованъ.

2.

Чтобъ хошь куда нибудь дѣшей своихъ упря-
шашь,

Вралевъ рѣшился ожидашь

Свободы все печашашь;

И намъ надежда еснѣ: свобода не чишашь.

3.

Съ деревней во спо *душѣ* Сунягинѣ распрощал-
ся;

Продажа завпра бышь должна;

Бѣдняжка за души чужія ужъ принялся:

Своя лѣшъ съ сорокъ продана.

4.

Депрео говоришь: „прекрасный безпорядокъ

Искусства плодъ въ лирическихъ Пѣвцахъ.

Нашъ Клишъ на добрые совѣшны падохъ;

И онъ шого въ его спихахъ

И въ смыслѣ и во всемъ ужасный безпорядокъ.

5.

Губишельнымъ перомъ иные поршашь нравы,

А нашъ Поэшъ Дамонъ

Другой добишья хочешъ славы:

Одну бумагу поришъ онъ.

6.

Нашъ Вадій захошѣлъ Гомеромъ бышь Москов-
скимъ;

Поэму написалъ

И ею доказаль:

Какъ шрудно и ему сравняшья съ Тредьяков-
скимъ.

Москва.

Псрѣѣ.

Отрывокъ изъ лирической Трагедии: С а ф о.

Д ѣ й с т в і е п е р в о е.

Театръ представляетъ садъ въ Греческомъ вкусѣ:
деревья, покрытыя плодами, бесѣдка изъ акацій,
гротъ, цвѣтники, вдали аллеи, уставленные
статуями, пригорки, мостики, извилистые ручьи,
кaskады и водопады.

Я в л е н і е I.

Сафо въ задумчивости и Кидно.

Р е ц и т а т и в ъ.

К и д н о.

И шакъ! поспыло все шебѣ въ подлунномъ мірѣ!

И скучень свѣтъ!

И нѣтъ оспрадъ шебѣ и въ самой лирѣ!

И Сафо пѣсни не поешъ,

Безчувственна для славы!

Забыла все: подругъ, забавы,

Невинныхъ Музъ забыла даръ.

Попухъ божественный Поэзии въ ней жаръ! —

Одинъ любви жаръ пылаешъ!

Одинъ, одинъ Фаонъ

Всѣ чувства въ ней, всѣ мысли занимаешъ.

С а ф о.

Увы! невѣренъ онъ!..

Уже при дни Фаонъ жестокой

Меня не навѣщаль,

И онъ зари до полночи глубокой

Три дни, какъ жду его — невѣрный не бываль!

К и д н о.

Но что виной ошсущства?

С л а ф о.

Дамофила:

Давно, зависпная, прельщалась имъ она!

Она ко мнѣ холодносп въ немъ родила —
И радосп ошъ души моей ончуждена.

Ахъ! о соперницѣ помыслишь мнѣ ужасно!

Нравъ хищрый! умъ опасной!..

Я знаю, какъ она умѣетъ обольщанъ,

Я знаю, какъ легко Фаону измѣняшь!

Пріиши для него бесѣды Дамофилы

И пѣсни праванся и разговоры милы,

И мнѣ узрѣшь его — уже надежды цѣнь!

К и д н о.

Онъ днесъ придешъ шебя поздравить съ днемъ
рожденья.

С л а ф о.

Рожденья? скорбный день! моихъ начало бѣдъ!

Я, злополучная, родилась на мученья!

Д ч э т ъ.

К и д н о.

Умѣрь печаль! свой спрахъ разсѣй!

Прерви всегдашнее рошпанъ!

Внемли совѣшь Кидно твоей!

Ты днесъ хотѣла соспязанъе

Имѣшь съ соперницей своей?

С л а ф о.

Ахъ! я бы уступила ей

Побѣду въ пѣсняхъ надъ собою

И лавры съ лирой золошой

И славу съ звучною трубою —

Лишь бы Фаонъ оспался мой!

К и д н о.

Плѣни его! предъ нимъ воспой

Любви взаимной прелеснь, сладоспъ.

С л а ф о.

Несчастпная, всегда въ слезахъ,

Мнѣ ль пѣшь любви счастливой радоспъ?

К и д н о.

Яви измѣны гибель, спрахъ!

Да ужаснешся сладоспираспный!

С а ф о.

Коля спрасши огонь пошухъ въ крови —
Упреки, жалобы напрасны!

К и д н о.

Лей слезы горестной любви —
Да шронешся швоей шоскою!

С а ф о.

Почшо и въздыхашъ предъ нимъ,
Когда плѣнился онъ другою?

К и д н о.

И будешъ онъ ояншъ швоимъ!

С а ф о.

Ахъ! новая любовь сильнѣе!

К и д н о.

Кпо не испытывалъ измѣнъ?

Пускай позналъ онъ новый плѣнъ —

Ты искупи его скорѣ:

Предъ нимъ на лирѣ възшени —

Рыдай — грози — моли — клани —

Веди его изъ чувсшва въ чувсшво:

Разжалобъ — ужаси — плѣни —

И дивное свое искусшво

Ты предъ соперницей яви...

И съ новымъ жаромъ обратишся

Въ восторгахъ къ прежней онъ любви...

С а ф о (зб восторгѣ).

И Дамашила удалишся...

Вмѣстѣ.

С а ф о.

К и д н о.

Иду во храмъ невинныхъ Иди въ храмъ Музъ, уеди-

Музъ, нись,

Предамся сладосшно ме- Предайся сладосшно ме-
чшанью; чшанью;

Молишвой къ Фебу воз- Мольбами къ Фебу воз-
несусъ несись,

И пригошвлюсь къ со- И пригошвлюсь къ со-
спшзанью. спшзанью.

Н. Сушковъ.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н о в ы я к н и г и :

1 8 2 0.

38. *Опытъ Руководства къ Исторіи Философіи. Для благородныхъ воспитанниковъ Университетскаго Пансіона. М. 1820. Въ Унив. тип., въ 126 стр.*

(Книга сія, по предмету своему, выходить изъ числа шѣхъ, на кошорыя мы взялись сообщать замѣчанія читателямъ нашимъ; но это не препятствуетъ сказать, что мы прочли ее съ удовольствіемъ, и нашли въ ней много полезныхъ свѣдѣній и истинъ. Издашель ея доказалъ, что по Руски можно писать о предметахъ опвлеченныхъ ясно и пріятно, вводить Философію въ Училища и всенародныя собранія, не облакая оной въ варварскую циническую одежду Нѣмецкихъ Крашесовъ. — Жаль, что Издашель сего Опыта слишкомъ мало говоритъ о новой Философіи.)

39. *Отестественныя Записки, издаваемыя Павломъ Свиньинымъ. Часть 1. С. П. б въ типографіи В. Плавильщикова въ 12, 162 стр. съ картинкою *)*

(Сія первая книжка новаго Журнала наполнена весьма любопытными снашьями, кошорыя,

*) Подробноеобъявленіе о семъ Журналѣ напечатано въ 17 книжкѣ С. О. 1820.

безъ сомнѣнїа, обращающъ на оный вниманіе опечесвленной публики Въ ней помѣщены слѣдующія списки: 1. *Ипатіевскій Монастырь* (съ картинкою, оный изображающею) — мѣсто священное для каждаго Россіянина: „въ немъ укрылся юный Михайлъ Романовъ отъ руки иноплемennыхъ злодѣевъ, искавшихъ его погубить; отсюда призванъ онъ гласомъ освобожденной Россіи на престолъ Царскій; отсюда, съ родомъ Романовыхъ, возсіяла заря блаженства и славы Россіи.“ 2. *Красильниковъ, провинціальный Оптикъ, Механикъ и Архитекторъ*. Г. Издатель въ сей списокъ описываетъ жизнь и изобрѣшенія Косивромскаго купца Красильникова, который, никогда не выѣзжалъ изъ опечесвленного города. Кромѣ сооруженія многихъ красивыхъ зданій, мостовъ и п. п., и изгошвленія разныхъ инструментовъ, сдѣлалъ онъ важное открытіе: хронометра, подобнаго тому, который изобрѣшенъ въ 1819 году въ Парижѣ Г-мъ Пешо, и посвященъ многими Учеными Европы въ числѣ самыхъ непроницаемыхъ загадокъ Механики. 3.) *Первое письмо изъ Москвы*: частныя Библіотеки, галереи, разные Кабинеты, Рускіе Художники: списокъ весьма занимательная, коптой нельзя не пожелать продолженія. 4. *Выписка изъ дневника Партизана Дениса Давыдова*. 5. *Поездка въ Кронштатъ*: описаніе сего единственнаго въ своемъ родѣ мѣста — вѣчнаго, несокрушаемаго памятника Петра Великаго! — 6. *Санктпетербургскія современныя лѣтописи*: увеселенія публики въ прошедшемъ великомъ поешу; вскрытіе Невы и Некрологія. Въ первомъ

опдѣленіи сей сшапы Г. Свинынъ описываетъ Литературные вечера Г. де Сенъ-Мора, декламационный вечеръ Г. Анжели, и опіичные концерны, данные разными любителями и Артистами, сообщаетъ описаніе прекраснѣйшей Панорамы Парижа, собранія восковыхъ изображеній, дикихъ звѣрей и другихъ любопытныхъ предметовъ, занимавшихъ Пешербургскую публику въ продолженіе нынѣшней весны. Мы съ удовольствіемъ прочисали сіи сшапы, которыя написаны гораздо лучше и дѣльнѣе нежели въ листочкахъ покойнаго Рускаго Пущынника. Открытіе Театра и новыя его явленія, блистательность нашей сцены и чудесные сборы конечно обращашъ на себя вниманіе наблюдателя.)

VI.

НОВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКІЯ.

А н г л і я.

19 Апрѣля въ 8 часовъ казнены въ Лондонѣ предъ Ньюгенскою пюрьюю пять преступниковъ, за Государственную измѣну: Тисплевудъ, Тиддъ, Ингсъ, Броншъ и Давидсонъ. На лобномъ мѣстѣ собралось невѣроятное множество на-

роду. Всѣ окна и кровли близьстоящихъ домовъ опданы были за большія деньги въ наймы любопытнымъ. Въ субботу (17 числа) Г. Броунъ, начальникъ шюръмы, прочелъ обвиненнымъ смертный приговоръ, объявилъ, что оный будетъ исполненъ въ понедѣльникъ, и увѣщевалъ ихъ прибѣгнуть къ Религіи, чтобы приготоновишься къ смерти. Увѣщанія сіи были напрасны: одинъ Давидсонъ просилъ прислать къ нему священника; прочіе, какъ истинные злодѣи, объявили, что они Деисты, не имѣютъ надобности въ Религіи, и просятъ только опсправить ихъ скорѣе на шопъ свѣтъ. Въ день казни собралось на площади нѣсколько опрядовъ конницы и пѣхоты съ пушками, и множество полицейскихъ служителей для сохраненія порядка. — Въ 8 часовъ взвели пресупниковъ на эшафопъ. Первые чепвего изъявляли величайшее равнодушіе; Пигсъ пѣлъ пѣню, которая оканчивалась словами: свободу или смерть!; они кланялись знакомымъ, которыхъ видѣли въ шолпѣ народной, и прощались съ ними. Бронъ вскричалъ: „желаю, чтобы Король обо мнѣ вспомнилъ; дай ему Богъ много лѣтъ здравствовать!“ — Давидсонъ, сопровождаемый священникомъ, усердно молился. — На эшафопъ поспавили ихъ въ рядъ; палачъ надѣлъ имъ на шею пѣшли и надвинулъ колпаки на глаза; доска, на которой они спояли, провалилась, и они новисли. Чрезъ полчаса ихъ сняли съ веревокъ; замаскированный палачъ опсѣкъ головы, и показалъ каждую народу, говоря громогласно: „вонъ голова измѣнника такого-то!“ — Во время казни примѣнно было въ народѣ движеніе;

нѣкоторые кричали: „эпо убійство! гдѣ нпіонъ Эдвардъ? Для чего нѣшь его здѣсь?“ Между тѣмъ все кончилось спокойно, и народная толпа разошлась безъ смященія. — Должно знать, что Эдвардъ, участвовавшій по видимому въ заговорѣ, открылъ оный Правительству. — Прочіе преступники: Спренжъ, Куперъ, Брамборнъ, Гарисонъ и Вильсонъ осуждены на ссылку въ колоніи, и уже отправлены въ Портсмутъ. Трое первыхъ пропущены были милосердіемъ Короля, даровавшаго имъ жизнь, а прочіе выслушали приговоръ о помилованіи ихъ съ бѣшенствомъ, негодуя на казнь своихъ сообщниковъ.

— Въ Лондонѣ скончались: знаменитый Писатель о земледѣліи Артуръ-Юнгъ на 80 году оиъ рожденія и Г. Колкгоунъ, издавшій разныя статистическія книги о Великобританіи.

— Британское Правительство учреждаетъ обсерваторію на Мысѣ Доброй Надежды.

Испанія.

— Король повелѣлъ возвращить всѣ мѣста и званія тѣмъ особамъ, которыхъ имѣли ихъ въ 1814 году, и удалены оиъ службы за приверженность къ Конспиріи. Въ случаѣ невозможности возвращить прежнія мѣста, будутъ имъ производиться слѣдующее по онымъ жалованье.

— Король поручилъ особой Коммисіи, составленной изъ первыхъ Генераловъ, заняться усовершенствомъ Испанской военной силы, и объявилъ, что считаетъ себя первымъ солдатомъ Испанской арміи. Опредѣленія сей Коммисіи предсавлены будутъ на утвержденіе Корте-

самъ. — Въ числѣ новыхъ Королевскихъ Генераль-Адъютаншовъ находящся: Баласперось, Одоною, Квируга и Ріего.

— Генераль-Маіоръ Донъ Филиппъ де Арко Агверо, Начальникъ Штаба національной арміи, расположенной на оспровѣ Леонѣ, представилъ Королю адресъ, подписанный Генералами оной, въ коемъ они приносятъ Е. В. всеподданиѣйшее благодареніе за милосни, оказанныя сей арміи. При эномъ случаѣ сей Генераль имѣлъ счаспіе произнести рѣчь предъ Королемъ и Королевою, въ коей увѣрилъ Ихъ Величества въ неизмѣнной вѣрносни арміи, и сказалъ: „Армія никогда не забудеть правила, начертаннаго въ сердцахъ всѣхъ Испанцевъ, и освѣщеннаго нашею Конспишудією, что особа Короля священна, неприкосновенна и не подвержена никакой отвѣтственности!“ — Король принялъ сей адресъ съ благоволеніемъ, и приказалъ напечатать оный въ Вѣдомосняхъ.

— Всѣ монастыри приглашены, по повелѣнію Короля, присягнуть въ вѣрносни Конспишудіи. Генераль Капуцинскаго ордена исполнилъ сіе повелѣніе безпрекословно.

— Въ разныхъ мѣстахъ Испаніи составились Общеснва, имѣющія цѣлю распространять просвѣщеніе и общепользныя знанія, раздачею книгъ, учрежденіемъ народныхъ училищъ, библіотекъ для чтенія и другими средствами, способными образовашъ народъ.

— Король позволилъ бывшимъ чиновникамъ Іосифа Бонапарте возвращаться въ Испанію.

Франція.

21 Апрѣля Король принималъ поздравленія оъ благополучнымъ его возвращеніемъ въ столицу, случившимся за 6 лѣтъ предъ симъ.

— Въ самую полночь съ 16 на 17 Апрѣля, на карусельной площади, что предъ самымъ Тюльерійскимъ дворцомъ, раздался сильный шрескъ. Всѣ караульные шуда бросились, и нашли, что кто-то подбросилъ на сію площадь начиненную порохомъ хлопнушку. Взрывъ ея не могъ причинить никакого непосредственнаго вреда, но она подброшена въ гнусномъ намѣреніи испугать Герцогиню Беррійскую, находящуюся въ пятомъ мѣсяцѣ своей беременности. Ея Высочество проснулась отъ шреска, но сіе не имѣло никакихъ вредныхъ послѣдствій. Виновникъ сего варварскаго умысла не найденъ. —

— 20 Апрѣля вечеромъ въ 11 часу Офицеръ Лейбгвардіи Графа д'Арнуа, Г. Мушаръ, шедшій съ паролемъ изъ дворца въ казармы, былъ оспановленъ въ Бурбонской улицѣ двумя незнакомцами, кошорые брссились на него крича: „смершь Роялисшу!“ Онъ обнажилъ саблю; но въ шуже минушу въ него выспрѣлили, раздробили ему лѣвую руку, и онъ упалъ. Убійцы ошобрали у него всѣ бумаги и убѣжали. — Потомъ нашли ихъ пистолешъ: на немъ съ одной стороны выцарапаны были слова: „шакъ погибнешъ послѣдній Роялисшъ!“ а съ другой „Хар...“. Сіе происшествіе шѣмъ болѣе возбуждаешъ изумленія, что убійцы не шрунули его часовъ и денегъ.

— 21-го Апрѣля Г. Манюэль предложилъ Падашъ Депущашовъ увѣдомишь Короля въ осо-

бенномъ адресѣ объ опасностяхъ, коими угрожаетъ Франціи система, принятая Министрами. Разумѣется, что Министры проповѣдывали этому предложенію, а либеральные подкрѣпляли оное. Наконецъ собраны были голоса, и оно ошинушо значительнымъ большинствомъ голосовъ

— Французское Правительство утвердило Библейское Общество, составившееся въ Нимѣ, обитаемомъ по большей части Протестантами. Донынѣ Капопическое Духовенство не позволяло формальнаго учрежденія сихъ Обществъ.

— Коммисія Палаты Перовъ собирается ежедневно для скорѣйшаго окончанія слѣдствія въ дѣлѣ Лувеля. Въспѣвъ съ Лувелемъ будущъ судимы и другія особы, замѣшанныя въ то же дѣло. Публичное производство начнется, когда Королевскій Прокуроръ сочинитъ и представитъ Палатѣ обвинительный актъ, и когда подсудимому данъ будетъ адвокатъ. Въ семь дѣлъ выслушано 450 свидѣтелей, изъ коихъ 5 оставлены подъ арестомъ.

— Издатели Французскаго Журнала: Le Constitutionnel объявляютъ, что въ шеченіе Апрѣля мѣсяца Цензура исключила изъ онаго 2500 строкъ.

Германія.

— Австрійскій Императоръ съ фамиліею своею предпринялъ путешествіе въ Моравію и Богемію. Государственные дѣла поручены на время его отсутствія Эрцгерцогу Лудовику.

— Пишутъ, что процессъ Занда конченъ, и онъ приговоренъ къ смерти.

— Нассавскій придворный Архитекторъ Цейсъ получилъ отъ Правительсва позволеніе построить въ Висбаденѣ (знамениномъ своими цѣлипельными шеплицами) большое зданіе съ 80 ваннами. Магистратъ города жаловался на то, что Цейсъ отведетъ въ свой домъ большую часть цѣлипельной воды, и шѣмъ лишитъ прочихъ гражданъ доходовъ. Между шѣмъ онъ не переспавалъ рышъ, особенно по ночамъ. Вдругъ работники его нашли спарую спѣну одного канала, копорымъ вода течетъ въ главный водоемъ, разрушили ее, и вода скрылась. Большая часть ключей въ городѣ изсякла. Граждане въ опчаяніи. Цейсъ умеръ съ досады.

Разныя извѣстія.

— Сѣверо-Американскій Конгрессъ опредѣлилъ опложить рѣшеніе спора объ успункѣ Испанією Флориды до будущаго своего засѣданія, особенно попому, что Россія и Франція совѣповали не принимашъ насильственныхъ средствъ для занятія сей обласни.

— Славный Американскій Командоръ Декапоръ убишъ на поединкѣ однимъ изъ своихъ шоварищей. Одинъ изъ Членовъ Конгресса предложилъ собранію онаго присушествованъ при погребеніи Командора и наложитъ по сему случаю трауръ, но сіе предложеніе было опринуно по той причинѣ, что Декапоръ погибъ на поединкѣ, въ дѣлѣ прошивномъ всѣмъ Божескимъ и челоѣческимъ законамъ.

— На островѣ Кубѣ буншуютъ Негры.

(15 М а я.)